

Класс Семеновой

Ком. правда. - 1993. - 29 мая. - с. 3

Великой русской балерине исполняется 85 лет

...Жестокая неувеличиваемость красоты, безусловно, отдалила ее от нас. Но, начиная с конца 30-х — начала 40-х годов, времени расцвета ее таланта, многое и специально делалось, чтобы отодвинуть Марину Семенову в тень. Из того времени протянулась первая седина. Можно только догадываться, как жилось ее крутому характеру в век всеобщей покорности, как нехоти освещала ее красота убожество и безобразие огромной советской казармы.

Достоверно известно, она таяла в то время очень близких людей, и, кто знает, каким чудом мы не потеряли ее. Природная и профессиональная независимость была вызовом, дерзким отклонением. Самовольным выходом из строя. Немудрено, что она не раз оказывалась в опасных отношениях с верхами. Становилась то баловнем, то изгоем — уже и после окончания танцевальной карьеры в начале 50-х годов. Она начинает преподавать, внешне устроена, о ней время от времени пишут, в 60-х выходит монография. Но все же не покидает ощущение какого-то умолчания вокруг Семеновой. Звание «Народной артистки СССР» она получает только в 70-х годах — с этого времени мы начинаем заново постигать Семенову.

Театр мог празднично выезжать в зарубежные турне, а Марине Тимофеевне уже в аэропорту Шереметьево сообщили ответственные люди — вы не едете, вам лучше остаться. И она оставалась, возвращалась наутро в свой класс и в ответ на потрясенно-сочувствующие взгляды коллег говорила: «Ну что ж, жизнь продолжается...» В этом тоже — класс семеновского мужества и достоинства.

Уникальность Семеновой не случайно открылась уже в школе, не случайно ее выступление в роли Девы ручья на выпускных показах сразу стало сенсацией и разнеслось долгим эхом в будущее, наше время. Классический балет в идеальных пропорциях античности и идеальной простоте черпал свое вдохновение и идею собственного развития. И он получал Марину Семенову — существо близкое, со-

природное, генетически родное.

Вскоре, когда на профессиональную академическую сцену вышли ее Одетта—Одиллия, Аврора, Никия, Раймонда, Жизель, плавность переходов от божественного к земному, их взаимосвязь вылилась в захватывающую картину золотого сечения.

Будучи балериной ярчайшей и одухотворенной виртуозности, Семенова никогда не творила искусство элитарно замкнутое. Отсюда такое количество не балеринских партий, а танцев в операх: «Я просто любила танцевать». Отсюда и 78 городов нашей страны (к Марине Тимофеевне однажды попал в руки географический атлас, и она стала отмечать места своего гастрольного пребывания — получилась такая цифра).

А педагог она пристрастный, может быть, даже безжалостный. Что тоже объяснимо: когда в ее классе Плисецкая, Стручкова, Кондратьева,

Тимофеева, Бессмертнова, Семеняка, Павлова, Семизорова, Михальченко, Степаненко (всех не перечислять) — то каким должен быть критерий истины? Если каждый из присутствующих есть своя истина?

Три балерины репетируют «Спящую красавицу». Плисецкая, Стручкова, Кондратьева одновременно делают первую вариацию — антре Авроры; из левого верхнего угла класса спускаются к центру и замирают в заключительной позе. Сделали, кажется, все три идеально. Но Марина Тимофеевна посмотрела, помолчала и особо отметила ту, что стояла в центре.

Или — другой кадр. Елена Рябинкина проходит на большой сцене со своим педагогом «неудобный» фрагмент «Дон Кихота». Семенова спешит куда-то по своим делам, замечает неразрешимую сложность и коротко бросает: «Лена, зажми правую лопатку...» — и балерина словно спасена.

Сказать, что все это «высо-

кая планка мастерства», наверное, нельзя. Не планка — таково естество Семеновой, скрижали Завета. Благодаря им живо русское искусство вообще.

Обернемся на минутку.

...Воспитанница Императорского хореографического училища, в 1925 году выпускница уже Ленинградского, известная, благодаря молве, после Девы ручья, просит у своего любимого педагога Агриппины Яковлевны Вагановой туфли — надо пойти на выпускной вечер, а не в чем.

— Но у нас ведь разные размеры, ты не влезешь в мои.

— Влезу, перетерплю, дай-те, пожалуйста.

С большим трудом туфли надеты, вечер пройден, Марина одна едет домой в трамвае, боль в ногах нестерпимая. Уже поздно, народу мало и она решает идти дальше босиком. Вдруг — дождь и преужаснейший. Наша героиня, как андерсеновская принцесса, промокшая до нитки, прижимая вагановские лаковые туфли к себе, бредет домой.

С завтрашнего утра начинается другая жизнь.

Девушка Марина станет великой русской балериной.

Лучшие сцены мира будут ей послушны.

Великие писатели станут писать о ней.

В нее будут влюбляться. Она будет влюбляться.

Ее ученицы будут влюбляться.

В ее учениц будут влюбляться.

Вырастут ее дети, внуки, появятся правнуки.

Пройдут страшные грозы и ливни над ее головой.

Сама жизнь, совершив какие-то таинственные циклы, от дебютов, триумфов, через время, когда пытались не считаться с ее абсолютной, семеновской, величиной, сама жизнь возвратит сегодняшнюю Семенову, как нашу первую необходимость, как свой священный огонь.

Александр КОЛЕСНИКОВ,
Светлана ЗАВОРОТНА,

Фото Р. ФАЗИЛПУР.
(ГАБТ-фото).